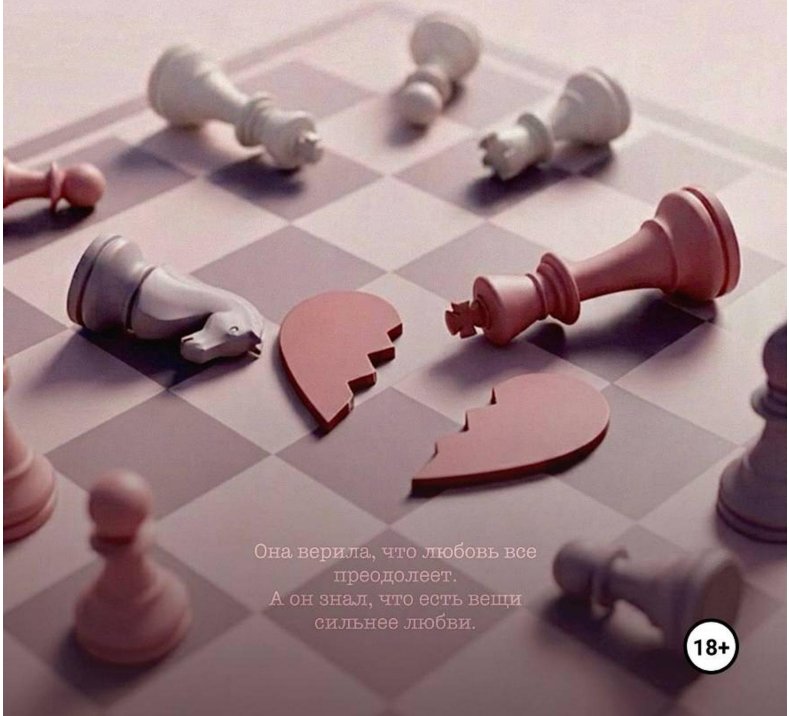
Рия Тева

ИГРА на настоящее



Она верила, что любовь все преодолеет.
А он знал, что есть вещи сильнее любви.

18+

Рия Тева

Игра в настоящее

https://litres.ru/74003484
SelfPub; 2026

Аннотация

После пяти лет токсичных отношений Тея наконец смогла оставить Арчера позади и начать новую жизнь. Съемная квартира, работа и долгожданное спокойствие стали её новыми реалиями. По вечерам она посещает кофейню, рисует пейзажи из окна и не ждет чуда.

Но чудо случается на сайте знакомств. Тобиас – единственный, кто пишет ей с уважением и интересом, а не пошлыми комплиментами. Несколько часов общения на «вы», и первое свидание уже близко. Тея снова учится доверять, и кажется, этот мужчина знает, как сделать её счастливой.

Однако у Тобиаса есть секрет. И Тея снова оказывается в отношениях, где её не выбирают. Только теперь она понимает: всё иначе. Он — заложник своей семьи, как и она когда-то — заложница своего прошлого.

Содержание

ГЛАВА 1. С чистого листа 4
ГЛАВА 2. Клин клином 15
ГЛАВА 3. Свидание? 28

Рия Тева
Игра в настоящее

ГЛАВА 1. С чистого листа

С чистого листа

Вам когда-нибудь хотелось раствориться в весеннем воздухе? Не просто вдохнуть — а распасться на атомы, чтобы ветер подхватил тёплым потоком и разнес по всем широтам, давая возможность обнять этот мир?

Если нет — я искренне вам завидую. Потому что каждый раз с приходом весны это желание сводит меня с ума: мне хочется прижать поток весеннего ветра к груди, как человека, которого давно не видела и не прекращая твердить, как сильно мне его не хватало.

Почему этот запах ни с чем не сравним? Ну правда — чего стоят запах асфальта, нагретого первым солнцем, мокрых прошлогодних листьев, мимозы, от которой щиплет в носу, и цветущей вишни, от которой кружится голова? Всё оживает, пробивается сквозь асфальт, цветёт, и моё сердце — растоптанное, почти прогнившее, затянутое коркой там, где должны быть живые края, — кажется, тоже готово ожить.

Я сижу за столиком у окна в своей любимой кофейне, по-

тягивая из трубочки холодный эспрессо с вишневым соком, и смотрю на университетское здание напротив, размышляя о жизни. Суббота была в самом разгаре — солнце уже перевалило за полдень, по тротуарам сновали студенты вперемешку с прохожими. А у меня сегодня была всего одна пара. Одна лекция — и вот я уже свободна, как птица, которую выпустили из душной клетки на волю.

Двадцать четыре года. Преподаватель рисунка и живописи на кафедре архитектуры. Первый год после аспирантуры — и одинокая самостоятельная жизнь. Даже не вспомню, когда в последний раз могла вот так просто сидеть в кофейне, смотреть в окно и не думать о том, что кому-то нужно готовить ужин, или что кто-то обидится, если я задержусь по пути домой.

Никто не ждал меня с подробным отчетом. Как никого не ждала и я. От этой мысли стало хорошо на несколько мгновений — потому что в груди ещё саднило от свежей раны прошлых отношений.

Я отхлебнула ещё эспрессо, поморщилась, — вот за что я люблю сочетание кислинки и терпкой вишневой нотки — и поймала себя на том, что впервые за долгое время думаю о доме с теплом, а не с тяжестью в груди. Новая квартира-студия, которую я снимала всего месяц, ждала меня там, за двумя остановками на трамвае. Маленькая, но моя. С окном во двор, с продавленным диваном, который я накрыла цветным пледом, с полками, забитыми книгами, которые я наконец-то

могу читать без тревоги, что меня обязательно прервут на самом интересном месте. И с прекрасным видом на горный пейзаж.

Прикрыв глаза, расплылась в мечтательной улыбке: вернусь в свое гнездышко, открою окно, включу «Friday I`m In Love» группы The Cure несмотря на то, что пятница была вчера. Сварю пасту или сделаю тост с маслом, сыром и авокадо, и никто не посмеет упрекнуть меня в том, что это «не ужин». Устроюсь на диване с новой книгой — той, что откладывала, наверно, полгода, потому что Арчи ворчал, что я мало уделяла ему внимания.

И никто — слышите, никто — не скажет мне, что я делаю что-то не так.

Когда в последний раз уделяла внимание только себе в своём пространстве? Всегда кто-то был рядом: сначала старшая сестра, с которой мы делили одну комнату, потом — комната в общежитии, а сразу после — съёмная квартира с молодым человеком. Пять лет подряд засыпала и просыпалась, совершенно не думая о том, что я никогда не оставалась наедине со своими мыслями и желаниями. И, кажется, совершенно не придавала значение звоночкам, тревожащим последние пару лет.

Жить одной в целой квартире и не делить ни с кем пространство казалось подарком свыше. Немного неловко и непривычно от того, что по утрам было не с кем делить ванную. Но отказываться от такой милости было бы с моей сто-

роны большой ошибкой. Пожалуй, ошибок на данном этапе жизни мне хватало с избытком.

Я переехала в эту квартиру-студию месяц назад. Весь прошлый учебный год мы снимали жильё вдвоём с Арчи. Он внушал, что я должна оплачивать аренду пополам с ним прекрасно зная, что у меня после оплаты практически не остаётся средств на личные нужды. Кое-как хватало на продукты и самое необходимое. Когда я просила у него добавить — он с завидной уверенностью твердил, что нам ничего лишнего не нужно.

Заказов в автомастерской и ночных смен в баре было достаточно, чтобы позволять себе чуть больше, но Арчи практически весь доход отдавал маме. Я знала, что он зарабатывает больше, чем говорит, — просто всю оставшуюся часть уносил ей. И молчала. Не устраивала истерик, не требовала чеков. Я пыталась примириться с этой правдой. Плакала в подушку по ночам и убеждала себя: раз мы семья, значит, любить — это принимать партнёра как данность. Со всеми его тараканами, долгами и мамой, которая всегда была первом месте.

Возможно, мне следовало выяснить, куда на самом деле уходит добрая доля его зарплаты. Убедиться, что он действительно отдавал матери, а не пропивал с друзьями в гараже. Но я не стала.

Я молча мирилась с ощущением, что в этой схеме из троих игроков в проигрыше всегда оставалась именно я. Силь-

вия получала деньги, которые её сын должен был приносить в свою семью. Арчи откупался индульгенцией на свои пустые обещания. Ну а мне оставалось довольствоваться неоплаченными счетами и чувством, что мои потребности где-то в самом конце списка, сразу после новых покрышек на мотоцикл.

Месяц назад я сдалась. Сказала себе: так больше не может продолжаться. Не потому что я вдруг стала жёсткой или научилась входить в комнату с ноги. Просто в какой-то момент чаша переполнилась — той самой ежедневной усталостью, когда ты тащишь на себе двоих, а твой мужчина идет рядом и удивляется, почему же его девушка такая напряженная.

В моем понимании мужчина, который выбирает девушку, должен брать ответственность за неё и за их общий дом. За то, чтобы в холодильнике не было пусто не только потому, что ты успела забежать в магазин после работы. А не играть вечно в машинки и мотоциклы, прикрываясь громкими словами о «скоро всё наладится».

Арчи любил прикрываться мамой — тем, что она растила его одна, что он, как сын, не может её бросить, что его помощь для нее нужней. Сильвия — женщина адекватная, работает, встречается с мужчинами, живёт своей жизнью. Она не просила у него этих денег. По крайней мере, не всё, что он туда относил. Но ему было удобно так думать — удобно считать себя заботливым сыном, потому что роль взрослого партнёра оказалась ему не по зубам.

Может, у него просто не было хорошего примера. Отца он не видел, никто не показал, как это — быть мужчиной в паре. Но я устала искать ему оправдания. Потому что в двадцать пять лет можно уже как-то самому догадаться, что от тебя ждут не чуда, а хотя бы оплаты счета за коммуналку, и далеко не пополам с девушкой, которая отдает за это последние деньги.

Спустя пять лет у меня наконец хватило сил признаться себе: лапша на ушах мне крайне не к лицу. Особенно когда её вешают уже который год, а рецепт остается все тем же.

Когда в очередной раз Арчи пришёл под утро, я ждала его на кухне: уже давно не волновалась за него — просто хотела поскорее закончить эту игру.

Он переступил порог, улыбнулся своей обычной улыбкой:
— Ты не спишь? Думал, ты уже в кровати.

Я встала, подошла к нему и молча поставила у его ног свой чемодан.

— Забери свои вещи до конца недели, — тихо сказала я. — Ключи оставишь на тумбочке.

Арчи смотрел на меня так, будто я заговорила на китайском. Не потому что не ожидал — потому что не верил, что я смогу вот так взять и уйти. Что та самая Тея, которая пять лет проглатывала обиды, подставляла щеку для поцелуя после очередной ссоры, оправдывала его перед родителями, — вдруг возьмет и закроет перед ним дверь.

Арчи открыл рот. Закрыл. Потом спросил:

— Ты сейчас серьёзно?

— Я никогда не была так серьезна, как сейчас.

— Тея. Ты же знаешь, что рано или поздно прибежишь обратно, — бросил он, смотря на меня из-под светлых ресниц.

Я промолчала и вышла из квартиры, не оглядываясь. Дверь захлопнулась за мной с глухим звуком, поставив жирную точку в наших с Арчером отношениях.

На улице уже светало. Я подошла к остановке, достала телефон и открыла приложение такси. Родители встают рано — папа в магазин к шести, мама в ателье к восьми. Я не хотела их тревожить среди ночи. Но и молчать о том, что случилось, было уже невыносимо.

Я набрала номер мамы, села в подъехавшую машину и сказала водителю адрес гостиницы.

— Да?

— Привет, мам, — сказала я, когда она подняла трубку. — Я теперь буду жить ближе к работе.

— Тея? В смысле — ближе к работе? — мамин голос был сонным, но уже настороженным.

Я не успела объяснить. В трубке что-то щёлкнуло — она включила громкую связь. Папа, видимо, стоял рядом и уже дышал в трубку.

— Что случилось, Теодора? — прогрохотал он. Без «привет» и «как дела». Сразу по делу. Папа всегда называл меня полным именем, когда был встревожен.

Я проглотила ком, который подкатил к горлу, и выдавила:

— Я ушла от Арчера.

В трубке повисло молчание. Такое долгое, что я успела услышать, как водитель такси переключил передачу.

Потом они заговорили одновременно:

— Тея, нам приехать помочь собрать вещи?

— Дочка, тебе есть, где жить?

— Мы можем скинуться на квартиру, сколько нужно? Или ты стесняешься попросить?

— Теодора, возвращайся домой. Твоя комната…

Я слушала их голоса — встревоженные, родные, такие тёплые, — и чувствовала, как тянущее чувство в груди постепенно исчезает. У меня были они. У меня была семья.

— Всё нормально, правда, — улыбнулась я сквозь подкатывающие слезы. — У меня всего один чемодан и рюкзак. Завтра поеду смотреть квартиру. Цена хорошая, так что платить смогу. И на себя ещё останется.

— Ох, Тея, — мамин голос стал мягче. — Ты всегда можешь вернуться. Работа в ателье — не проблема, я всему тебя научу. У тебя золотые руки, ты все сможешь.

Приятно, что мама так в меня верила, но вернуться к родителям я не могла. Не потому что не хотела. Я знала: если приеду, разревусь при встрече, и они увидят мой страх.

А я действительно боялась. Не Арчи — себя без него. Потому что пять лет — это не шутки. За пять лет ты привыкаешь к тому, что у тебя кто-то есть. Даже если я покупаю себе

кофту, а он смотрит на чек и вздыхает: «Тебе правда это было нужно? Покрышка на мотоцикл была бы нужней — мне ведь ездить на работу».

Даже если после каждой встречи с подругами я возвращалась и чувствовала себя виноватой, потому что Арчи обижался: «Ты развлекалась, а я был дома один. Я тебе уже не интересен?»

Даже если однажды при моих студентах он сказал: «Она у нас гениальный преподаватель, только дома готовить разучилась», — и все засмеялись. А я покраснела и не поняла, шутка это или он всерьез. И улыбнулась, чтобы не выглядеть истеричкой.

Ко всему можно привыкнуть, даже найти оправдание: ну, случается. Наверное, так у всех бывает. Арчи вряд ли хотел сделать мне больно. Но, возможно, дело не в том, что хотел он, а в том, что я перестала быть собой.

Я вздохнула, отогнав непрошенные воспоминания.

— Мам, я хочу работать в университете. Я ведь всегда мечтала связать жизнь с рисованием, помнишь? Не отбирай у меня эту возможность, пожалуйста.

Мама помолчала, а потом выдохнула — на мгновение мне показалось, что она сидела рядом, потому что я почувствовала ее теплое дыхание наяву.

— Ладно, дочка. Просто знай мы рядом. Хорошо?

— Я знаю. Спасибо, мам.

— Как устроишься, буду ждать подробный рум тур, — за-

явил папа в трубку. — Желательно в видео-формате.

— Хорошо, пап, сниму эксклюзив только для тебя, — я не смогла сдержать смех. — Хорошего вам дня, люблю вас.

— И мы тебя, дочь.

Я отключилась, откинулась на сиденье и смотрела, как за окном проплывают утренние улицы — чистые, влажные, розовые от восхода. Новая свободная жизнь так и манила, а я вот-вот окажусь в ее объятьях.

В гостинице я проспала несколько часов. Без снов, без тревог — просто провалилась в темноту, как в колодец. А когда открыла глаза, за окном уже было раннее утро.

Ключи от новой квартиры я получила в полдень. Студия на десятом этаже, с окном во двор, с видом на кусочек горного хребта, который уютно устроился в узкой полоске неба между домами.

К вечеру я уже разбирала вещи. Достала из чемодана несколько книг — расставила их на полках в алфавитном порядке, предвкушая, как смогу собрать свою небольшую библиотеку. Заварила кофе. Нарезала сыр со свежей чиабаттой. Включила на телефоне плейлист — тихо, чтобы не мешать соседям, — устроилась на небольшом диване.

За окном догорал закат. Розовый с золотым, живописный — от таких красок захватывало дух. Я смотрела на него, пила кофе и думала: вот оно. Моё. Только моё.

Никто не скажет, что я неправильно расставила книги. Никто не спросит, почему ужин без горячего. Никто не про-

верит, кому я звонила. Теперь я стану хозяйкой своей жизни.

Я моргнула, вынырнув из воспоминания о прошлом. За окном кофейни прохожие щурились от солнца, кто-то нёс охапку мимозы, и воздух всё так же пах горячим асфальтом, мокрыми листьями и, кажется, надеждой.

Сделав последний глоток, вышла на улицу и улыбнулась. Может, этой весной я снова почувствую жизнь?

ГЛАВА 2. Клин клином

Клин клином

В той квартире мы с Арчи прожили два года. В этой — я жила одна. И мне нравилось. Правда нравилось. Я могла готовить, когда хочу, и не мыть сразу посуду. Могла читать до двух ночи, не слушая причитания о том, что у «него завтра работа, а я мешаю спать». Могла смотреть глупые видео в соцсетях и кричать чайкой — никто не скажет, что мой смех далёк от того, как смеются приличные девушки. Но по вечерам становилось тихо. Слишком тихо.

Вот так я и оказалась в приложении для знакомств.

Это произошло в пятницу, после лекции. Я вернулась домой, нажарила картошки с грибами и, запивая безалкогольным пивом, съела её прямо из сковородки. Наверное, в этом и была моя проблема — я слишком часто ела из сковородки, потому что не хотелось мыть лишнюю посуду для одной себя.

Внезапно я вспомнила, как на первом курсе зарегистрировалась в этом приложении в поисках интересного общения. Хоть с Арчи мы познакомились в университете, воспоминания остались приятными. И чёрт меня дёрнул снова скачать приложение и активировать старый профиль с мыслью: «А почему бы и не заполнить анкету?»

С одной стороны, я прекрасно понимала: к серьёзным отношениям я не готова. После Арчи внутри ещё саднило, как от открытой раны. Мне не хотелось никому ничего обещать, ни перед кем отчитываться, никому доказывать, что я достаточно хороша. Но с другой стороны — мне до одури хотелось общения. Просто говорить с кем-то о книгах, музыке и том, какой дурацкий сериал я смотрю и почему мне стыдно в этом признаться. Переписываться. Смеяться. Чувствовать себя живой.

Поэтому я села на диван, достала телефон и начала заполнять анкету.

«Имя»

— Теодора. Можно просто Тея.

«Возраст»

— Двадцать четыре.

«Место проживания»

— Мне что, нужно писать адрес? — я нахмурилась. — Нет уж. Поставлю геолокацию университета, все равно в одном районе.

«О себе»

Я задумалась. Что писать о себе? Что люблю скетчить, сидя в любимой кофейне, и слушать инди-рок? Это всё равно что сказать «я дышу воздухом»: пусть и правда, но разве кому-то это будет интересно?

— Ну, Тея, соберись, — пробормотала я вслух. И тут же поймала себя на том, что говорю сама с собой. В пустой квар-

тире. В пятницу вечером.

Раньше я бы смутилась. А сейчас — привыкла. Пустота оказалась громче, чем я могла себе представить. И чтобы её заглушить я часто разговаривала вслух, заполняя пространство своим голосом. Готовила, напевая мелодию, выбирала одежду и обязательно комментировала свои наряды. Даже воображала кошку, о которой давно мечтала, и рассказывала ей, как прошел день.

Я откашлялась и продолжила.

«Любимые сериалы»

— Пусть будет «Теория большого взрыва», «Офис» и «Анатомия страсти». Ну а что? Даже на цитаты разобрать можно. А сколько там драмы! — вспомнив сюжет «Анатомии», поймала себя на желании пересмотреть все девятнадцать сезонов в пятый раз.

«Любимая музыка»

— Тут будет сложно, — я задумчиво прикусила нижнюю губу: старая привычка. — Что-то печальное, от чего может разрываться сердце, и весёлое, чтобы хотелось танцевать. Так и напишу.

«Книги»

— Конечно же, фэнтези, — воскликнула я. — Реальность и так слишком странная, чтобы читать об обычных вещах.

Поколдовав еще над несколькими пунктами, я окинула результат: анкета получилась длинная. Подробная. Мне хотелось, чтобы тот, кто её прочтет, понял: я не ищу «спасите-

ля» и не готова завтра же бежать под венец. Я просто хочу поговорить с человеком, разделяющим мои интересы.

Минул час, как я обновила свою анкету, но то, на что надеялась, так и не произошло.

Мне сразу же стали писать парни: *«Привет, красавица», «Какая ты сэкси», «Поехали в ресторан сегодня вечером?»*. Кто-то прислал фото торса с подписью *«Жди меня, крошка»*. Как жаль, что мой папа не пекарь: по крайней мере тогда бы это нелепое прозвище было оправдано. Кто-то — фото машины, видимо надеясь, что я падка на крутые спорткары. Нет уж. Мне хватило нездоровой любви бывшего к его железным друзьям. Один спросил, готова ли я к серьёзным отношениям, а в следующем сообщении предложил приехать завтра к нему и остаться до утра.

Я смотрела на эти сообщения и чувствовала себя экспонатом на ярмарке. Меня разглядывали, как книгу на витрине, даже не потрудившись заглянуть под обложку.

Спустя еще час мне хотелось удалить анкету. Уже потянулась к кнопке, но сначала решила проверить входящие сообщения.

За одно мгновение сердце пропустило удар и ухнуло куда-то вниз.

Один диалог. Одно сообщение. Без фото и скользкой фразы «Привет, красавица».

«Здравствуйте, Теодора.

Мне кажется, мы с вами совпадаем практически по всем

пунктам, кроме «Анатомии страсти». Девятнадцать сезонов — это не сериал, а марафон на выживание. Я боюсь за свое здоровье. А вот вашим терпением искренне восхищаюсь. Но я готов ознакомиться и посмотреть хотя бы сезон, если вы позволите составить плейлист для ваших прогулок на мое усмотрение.

С уважением, Тобиас».

Я прыснула, а потом засмеялась во весь голос, потому что никто и никогда не писал мне «с уважением» в приложении для знакомств.

Немного отдышавшись и перечитав сообщение, перешла в профиль парня.

«Имя: Тобиас»

На главном фото — парень в светлой рубашке сидит на диване и улыбается краем губ, явно испытывая неловкость от направленной на него камеры. Слегка растрепанные темные волосы падают на лоб причудливыми завитушками. На щеках — аккуратная темная щетина, которая подчеркивала четкую линию челюсти.

Черты лица казались такими правильными — как у статуи Давида, которую я однажды рисовала в академии. Но самым выразительным в его облике оказались глаза — глубокого серого цвета с синим оттенком. Промелькнула мысль: Тобиас смотрит так, будто уже знает то, что еще недоступно моему пониманию.

Возраст:

Двадцать шесть. До экзистенциального кризиса еще есть пара лет.

Место проживания:

Там, где есть кофейни и проблема с парковкой.

О себе:

Люблю трогательные вещи, но тщательно это скрываю под недельной щетиной. Работаю с компьютерами, поэтому живого общения не хватает катастрофически. В свободное от работы время читаю научные статьи и профессиональную литературу. Если вы мечтали, чтобы кто-то подобрал вам музыку под дождливый вечер — я тот, кто вам нужен.

Любимые сериалы:

Нет опыта в подобном деле, но возможность познакомиться с чем-то хорошим всегда маячит где-то на горизонте.

Любимая музыка:

Рок-баллады, под которые хочется ехать по ночному городу с открытым окном. И Placebo — хотя после двадцати пяти это уже диагноз.

Прочитав анкету Тобиаса, поняла, что во мне зародился интерес узнать этого парня поближе. Поэтому я ответила:

«Добрый вечер, Тобиас.

Я готова рассмотреть ваш плейлист, но с условием: вы прослушаете треки, которые подберу я, чтобы обмен был равноценным.

P.S. Не знать такую классику, как «Анатомия страсти» — просто кощунство. Но я закрою на это глаза и дам вам шанс реабилитироваться в своей непросвещенности.

С уважением, Теодора».

Глянув на часы, невольно охнула — уже семь вечера, а я только сейчас поняла, что не могу оторваться от телефона. Дожидаясь сообщения от нового знакомого, включила на небольшой портативной колонке «I Want to Know What Love Is», сварила себе вечерний кофе и уставилась в окно на горные вершины.

Я никогда не смотрю перевод зарубежных песен. То ли боюсь разочароваться в смысле, если сердце тронет красота мелодии и голоса, то ли мне нравится лишь догадываться, о чём же в ней поётся. Эдакий вызов, который каждый раз бросаю сама себе. Вот и сейчас, слушая трек Foreigner, чувствую: раны скоро заживут, а я смогу снова поверить в любовь.

Возможно, я безнадежный романтик. Но ощущение свободы с примесью новизны заставляют сердце биться чаще, совершать кульбиты, от которых захватывает дух.

Оповещение о новом сообщении заставляет подпрыгнуть — я чуть не расплескала кофе. Хватаю телефон, открываю диалог.

«Прямо сейчас вам нужно послушать «Just The Way You Are». Мне кажется, что трек Bruno Mars способен вызвать у вас улыбку».

Пока включаю трек по совету Тобиаса, печатаю в ответ:

«Почему вы в этом так уверены?»

Ответ приходит незамедлительно:

«Вы разве не знали, что я провидец? Шучу. Я просто хорошо анализирую фотографии. Ваша улыбка и правда прекрасна».

Щёки начинают гореть. Я печатаю, пытаясь сохранить лицо:

«А что, если песня не настолько хороша, как вы решили, и я останусь без обещанной улыбки?»

Но, подойдя к зеркалу, вижу на своём лице такую широкую улыбку, которую не видела уже очень давно.

Тобиас оказался чертовски прав! Но в этом я ему, конечно же, никогда не признаюсь.

«Тогда я признаю поражение из-за своей самоуверенности. Поэтому хочу предложить встретиться. Мои извинения будут эффектнее лично».

Я смотрю на экран и чувствую, как внутри поднимается что-то теплое и одновременно тревожное. Радость. Волнение. Предвкушение. Всё сразу, в одном комке, под рёбрами.

Я пишу:

«Что ж… К сожалению, ваша песня не вызвала у меня улыбку».

Тобиас отвечает почти сразу:

«Может, вы просто не заметили? Но я в любом случае готов принести извинения. Например, в субботу днём. Я бу-

ду проездом в городе и хотел бы провести время в вашем обществе».

Сердце пропускает удар. Я смотрю в потолок, потом на кофе, потом снова в телефон. Соглашаться сразу — наверное, неправильно. Слишком легко. Слишком быстро.

«Я скажу свой ответ утром».

Тобиас отвечает:

«Хорошо. Буду ждать».

Я откладываю телефон, но через минуту снова беру его. И пишу:

«Почему вы выбрали именно эту песню?»

Пауза. Он долго печатает. Стирает. Снова печатает. Потом приходит сообщение:

«Глядя на ваше фото, мне показалось, что именно так я смогу идеально описать своё впечатление».

А следом — перевод. Всего несколько строчек, но я замираю.

Её глаза, её глаза — как будто звёзды,
Её волосы, волосы — падают идеально.
Она такая красивая, а даже не знает об этом.
Я говорю ей каждый день, но она не верит мне.

Потому что ты прекрасна именно такая, какая есть.
И когда ты улыбаешься — весь мир замирает
И смотрит на тебя.

Ты не должна ничего менять.
Ты великолепна прямо сейчас.
И когда ты улыбаешься — весь мир смотрит на тебя.
Останься такой, какая ты есть.
Останься такой, какая ты есть.

Я читаю и понимаю: он не просто подобрал трек. Тобиас правда меня увидел. Смотрю на экран и не знаю, что ответить.

Обычно я умею подбирать слова. За меня говорит профессия: объяснить студентам, как построить композицию, как поймать свет, как не бояться чистого листа. А тут — чистый лист у меня в груди. И он смотрит на меня строчками из песни.

Я перечитываю перевод. Снова. И снова.

«Она такая красивая, а даже не знает об этом».

Вот так просто? Мы даже не виделись. Тобиас видел только мои фото в анкете, где я улыбаюсь на камеру с натянутой, привычной улыбкой. Или, может, я плохо умею притворяться?

Вспоминаю Арчи. Как он говорил: «Ну вот опять ты накручиваешь. Ты прекрасна, когда ни о чем не думаешь вообще».

Это звучало как комплимент. Но почему-то после таких слов я всегда хотела спрятаться. Потому что он не слышал меня. Он просто закрывал мне рот красивой фразой.

«Ты слишком эмоциональная».

«Тебе кажется».

«Я же люблю тебя, зачем ты придираешься к словам?»

А когда я замолкала, он касался своими губами моего лба: *«Вот такой мне нравишься больше».*

Я верила. Потому что он говорил с улыбкой. Потому что обнимал после. Потому что я думала: любовь — это уметь прощать.

Но Тобиас написал строчки из песни — и мне совсем не хотелось забиться в раковину от неудобных комплиментов. Наоборот — мне хотелось, чтобы он повторил. И это странно. Это слишком быстро.

Тобиас не сказал «ты прекрасна». Он сказал: «Ты не должна ничего менять».

Арчи хотел, чтобы я подстраивалась. Тобиас, кажется, просит оставаться собой.

Но я даже не знаю, кто я, когда не пытаюсь угодить другим.

Тру ладонями лицо, будто пытаясь стереть эту дурацкую улыбку. Но она прилипла намертво.

«Останься такой, какая ты есть».

Я не знаю, какая я есть. Но почему-то мне кажется, что он знает. Или хочет узнать.

Телефон вибрирует. Новое сообщение. Открываю уведомление дрожащими пальцами.

«Если я переборщил — просто скажите. Я просто… не

умею говорить красиво. Но это умеют песни. Поэтому я говорю ими».

Я выдыхаю. Смотрю в потолок. Думаю.

Его манера общения — треками, переводами, этими паузами между «печатает» и «стёр» — она кажется мне игрой. Игрой, где нужно угадать, что хотел сказать человек.

Мне нравится, что он не пишет банальное «ты красивая» — вместо этого Тобиас присылает песню, в которой поётся про «ты не должна ничего менять». Это честно, сложно. И безумно красиво.

«Нет, что вы. Не переборщили. Я просто… не привыкла, чтобы меня видели такой».

Отправляю и тут же жалею. Слишком откровенно, в стиле «я уязвима, и теперь вы знаете о моих шрамах».

Но стирать поздно. Он уже прочитал.

«А к чему вы привыкли?» — спрашивает Тобиас.

Я думаю, стоит ли сейчас рассказать, но понимаю, что пока рано открывать свою душу. Поэтому отвечаю:

«Как-нибудь в следующий раз расскажу. Договорились?»

«Договорились. Спокойной ночи, Теодора».

«Спокойной ночи, Тобиас».

Я откладываю телефон, иду ванную, и, стоя под обжигающим душем, ещё долго смотрю в потолок. В голове крутится мелодия. И от чего-то думаю, что уже знаю, каким будет голос Тобиаса, которого я еще не слышала. Тёплым. Грустным. И чуть-чуть насмешливым.

Ложусь, наконец, в кровать и засыпаю с мыслью: кажется, я влипла.

ГЛАВА 3. Свидание?

Свидание

Сегодня у меня была всего одна лекция в университете, а после — много свободного времени, которое можно было посвятить прогулке с новым знакомым по переписке. Тобиас назначил встречу, чтобы извиниться за свою самоуверенность лично, но я-то понимала: это свидание. Не мог же он просто извиниться и уйти в закат?

От этой мысли внутри стало тесно — будто радость и тревога поселились в одной клетке и толкались локтями, споря, кто из них главный. Но эта тревога была не такой, как раньше. Старая сжимала горло, вынуждала проверять телефон каждые пять минут, нашептывала «а вдруг он передумает». Новая же лишь щекотала под рёбрами, напоминая, что я живая и впереди ждёт что-то новое. Это не было похоже на ожидание с Арчи, когда я боялась и ждала одновременно. Здесь я просто ждала, и от этого хотелось улыбаться.

Сегодня я увижу Тобиаса.

Не фото в анкете, не сообщения — живого человека с голосом, жестами и взглядом. Ещё вчера я не знала, чего хочу. А сегодня поняла: мне интересно, совпадает ли Тобиас с образом, который сложился о нём в моей голове. Его анкета и манера общения треками была похожа на игру. Мне нрави-

лось угадывать и хотелось узнать, что будет дальше.

Обычно я избегаю общения с незнакомцами через приложения и удаляю профиль после пары сообщений с обнаженными торсами. Но в этот раз всё было иначе: у меня возникло хорошее предчувствие, что этот день не станет одним из тех, о которых потом будешь долго жалеть.

Я потянулась, сбросила одеяло и пошла в душ, включив на колонке «Just The Way You Are». Только когда закрыла воду, заметила: я прикусила нижнюю губу — и так сильно, что остался след. Когда успела? Может, когда думала о словах песни? А может, представляя нашу сегодняшнюю встречу.

Взглянула в зеркало и осознала: я витаю в облаках, как героиня романа. Часы вернули меня к реальности — у меня есть чуть больше часа на сборы, а я ещё даже не выбрала одежду.

— Тея, соберись, — сказала я себе строго. Но, выйдя из ванной, унесла с собой улыбку, которая никак не желала сходить с лица.

Стоя перед зеркалом, я перебирала образы. Джинсы и свитер казались слишком обыденными. Платье выглядело чересчур нарядно, словно я нарядилась специально для встречи. Хотелось найти золотую середину: выглядеть хорошо, но так, чтобы это казалось естественным.

В итоге я решила объединить оба варианта. Надела пыльно-розовое атласное платье ниже колен и пушистый белый свитер, идеально подходящий для этого дня. Каштановые во-

лосы собрала в высокий пучок, оставив несколько непослушных прядей у лица. Они добавляли образу лёгкости и естественности. Надела серьги-кольца и тонкую цепочку на шею. Макияж был минимальным: бальзам для губ, тушь и лёгкие тени в цвет волос.

Посмотрела в зеркало и осознала: давно я не видела себя такой. Не просто отдохнувшей или накрашенной — а свежей, свободной, счастливой. Это не было попыткой выглядеть привлекательно ради свидания — это было моим обычным состоянием. Без повода, без желания кому-то понравиться. Я замерла на мгновение — было непривычно. Как будто нашла ту себя, которую давно потеряла.

— Ну что ж, Тея. Похоже, ты вернулась.

Часы, на которые я глянула между делом, сообщили, что я уже опаздываю. Завтракать было некогда, поэтому я решила взять кофе с круассаном в своей любимой кофейне напротив университета. Там же, где я обычно сижу со скетчбуком, наблюдая за прохожими и наслаждаясь моментом.

Уже взялась за дверную ручку, когда в голове щелкнуло: Тобиас ждёт ответа. Я обещала написать утром. А утро уже почти закончилось.

Я достала телефон и на ходу набрала:

«Доброе утро, Тобиас. Буду свободна после часа. Встреча ещё в силе?»

Ответ пришел мгновенно. Будто он никогда не выпускал телефон из рук и всё это время смотрел на экран в ожидании

моего сообщения.

«Доброе утро, Теодора. С нетерпением буду ждать. Как насчёт встретиться в парке? Или мне вас лучше подвезти?»

Я подумала: пусть решит сам. Мне, честно говоря, было всё равно — парк так парк, машина так машина. Главное — увидеть его.

«Давайте на ваше усмотрение. Я не принципиальна».

«Тогда подвезу. Куда подъехать?»

«К архитектурному университету, главный вход».

«Договорились. Буду там в час дня».

Я улыбнулась. Ничего не могла с собой поделать — просто улыбнулась экрану, как дурочка. Сунула телефон в карман джинсовки и вылетела на улицу.

Весенний воздух ударил в лицо — свежий, чуть влажный, с запахом нагретого асфальта и цветущей вишни. Я вдохнула поглубже и подумала: кажется, сегодня будет хороший день.

***

Я вышла из университета и остановилась на парковке, щурясь от солнца. Весенний воздух был тёплым и каким-то особенно сладким — то ли виноваты были цветущие вишни во дворе, то ли просто я сегодня была настроена замечать только хорошее.

А поводов для хорошего настроения накопилось больше, чем я могла ожидать. За сегодняшнее утро я получила столь-

ко комплиментов, сколько не собирала за весь год преподавания. Студентка с первого курса сказала, что у меня глаза цвета карамели, тогда как мне они казались совершенно обычными. Коллега с кафедры заметил, что я выгляжу отдохнувшей. Даже охранница на входе, которая обычно только ворчит на опоздавших, сегодня улыбнулась и сказала: «Вы сегодня сияете, мисс».

И я знала почему. Но это знание было моим маленьким секретом, который я не собиралась ни с кем делить. По крайней мере пока.

Я встала на краю тротуара, оглядывая припаркованные машины, и тут меня накрыло запоздалое осознание: я понятия не имею, на чём ездит Тобиас. Почему я не подумала спросить, какого цвета его машина? Утром это казалось неважным, но сейчас, когда я стояла посреди парковки с глупым видом, это казалось чуть ли не самым важным поводом для беспокойства.

Полезла в сумку за телефоном и, казалось, рылась там целую вечность — ключи, помада, скетчбук, ещё что-то, — пока пальцы нащупали наконец гладкий край чехла.

Подняв голову, я замерла, потому что прямо передо мной стоял Тобиас.

Нет. Тоби.

Почему-то в голове само собой всплыло короткое, тёплое имя — без официального тона и легкой отстраненности, которая была в переписке. Тоби. Просто Тоби. Я ещё не про-

изнесла это вслух, но внутри уже попробовала на вкус — и мне понравилось.

Я не слышала шагов, поэтому не заметила, как Тоби подошел так близко. Просто подняла глаза и увидела: темные брюки, светлая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, поверх — распахнутый пиджак-оверсайз, немного мятый, но это даже шло ему — как будто парень не старался, а всё равно выглядел хорошо. Волосы слегка растрепаны — то ли ветер постарался, то ли Тоби проводил по ним рукой по дороге. И те самые глаза — серые, с синим оттенком, которые внимательно смотрели на меня.

Я поймала себя на том, что разглядываю его уже несколько секунд — молча и, кажется, с открытым ртом, как героиня ванильного фильма, которая впервые увидела мужчину. Кажется, пора было моргнуть и сказать что-то членораздельное.

— Теодора? — его голос вывел меня из ступора.

Низкий. Тёплый. С лёгкой хрипотцой, будто он только что проснулся или наоборот — слишком долго молчал и теперь боялся, что голос дрогнет. Тоби говорил тихо, почти шёпотом, и от этого хотелось подойти ближе, чтобы не пропустить ни слова.

— Привет, — выдохнула я, возвращая себе дар речи. — Ты… пришёл.

Тоби улыбнулся краем губ — той самой улыбкой, которая была на его фото в анкете, но вживую она заставила меня

забыть, о чём я вообще собиралась сказать.

Несколько секунд мы просто стояли и глупо улыбались друг другу.

— Ты… такой же, как на фото, — выпалила я и тут же поняла, как глупо это звучит. Но остановиться уже не могла, слова летели быстрее мыслей, будто кто-то нажал на кнопку перемотки. Спохватившись, что Тоби может неправильно меня понять, продолжила: — Понимаешь, всегда есть риск, что красивое фото только в анкете, а приходит человек, которого ты даже не узнаешь. А ты… ты как на фото.

— Так это хорошо или плохо? — Тоби прищурился, и я поняла: он дразнит меня. И ему это нравится.

— Хорошо, конечно! — я выдохнула слишком громко, чтобы это было похоже на спокойствие. — Пожалуйста, не подумай ничего плохого, просто я рада, что ты — парень с фото своей анкеты.

Тоби поднял руки в примирительном жесте, но глаза смеялись:

— Не буду, не переживай, Теодора.

— Спасибо, — я закатила глаза, но внутри всё ликовало. Он шутил. Легко, без напряжения, без этой противной мужской снисходительности, когда шутка должна показать, какой он остроумный, а ты — обязательно глупая. Тоби просто… шутил. И мне нравилось.

— Ты тоже оправдала ожидания, — сказал он уже серьёзно. — И намного лучше, чем на фото.

— Значит, на фото я была не очень? — прищурилась я.

— На фото ты выглядишь прекрасно, — сказал он. — А вживую… — он на секунду замолчал, будто подбирал слова, а потом процитировал: — В твоих глазах мне виден свет, и я готов пойти за ним куда угодно.

Тоби развернулся в сторону парковки, будто сказал что-то совершенно обычное, а я так и стояла и хлопала ресницами, потому что это был самый странный и самый прекрасный комплимент в моей жизни.

Спохватившись, что я не следую за ним, Тоби вернулся и неловко провел рукой по волосам.

— Это… — он улыбнулся краем губ, смутившись и опустив взгляд. — Строчка из песни. Прости. Такая у меня привычка — говорить текстами песен, когда не нахожу слов.

— Очень необычно.

— Наверное. Хотя, как мне кажется, это не самая худшая из всех существующих привычек, — Тоби пожал плечами и кивнул в сторону парковки. — Моя машина вон там.

— Так ты готова немного прогуляться в парке? — спросил Тоби, пока мы шли к машине.

Я любила городской парк. Он располагался в самой возвышенной части города, и если подняться на канатной дороге наверх, к смотровой площадке, то открывался вид на горный хребет во всей его красе. Я часто приходила туда со скетчбуком, чтобы рисовать закаты или просто смотреть, как облака цепляются за вершины.

— Более чем, — ответила я, и это была чистая правда.

Тоби открыл передо мной дверцу и придержал рукой край проёма — чтобы я не зацепилась макушкой. Такой невинный жест, почти старомодная забота, но от него внутри что-то дрогнуло. Арчи никогда не придерживал дверь. Он вообще считал, что девушки вполне самостоятельные, раз борются за феминизм.

Я села, пристегнулась. Тоби обошёл машину и через секунду уже был за рулём.

В салоне тихо играла музыка. Знакомая мелодия — что-то из старого рока, от которого веет девяностыми и папиным проигрывателем. Я попыталась вспомнить название, но в голову лезла только одна мысль: моё сердце колотится где-то в районе горла, и если я немедленно не начну разговор, то просто сойду с ума от этого дурацкого волнения.

— Эта песня… она кажется мне знакомой, — сказала я, чтобы нарушить тишину. — О чём она?

Тоби повернул ключ зажигания, плавно выруливая с парковки.

— Love bites, группа Def Leppard, — ответил он. — В ней поётся о том, как больно терять любовь. Что любовь может быть прекрасной, но когда она уходит, буквально «кусает», оставляя глубокую рану.

Я замерла. Потому что эти слова неожиданно отозвались где-то глубоко внутри. Прошлое, которое я пыталась закопать и забыть, вдруг напомнило о себе. Я невольно прику-

сила губу — ту самую, которая ещё болела после утренних мыслей о нём.

Но Тоби, будто почувствовав, что я ухожу мыслями глубоко в себя, улыбнулся и переключил трек:

— Не лучшая песня для первого знакомства, правда?

Через секунду из динамиков полилось что-то совсем другое — лёгкое, с гитарным рифом и приятным мужским голосом. И я снова поймала себя на мысли, что мелодия мне знакома.

— Так ты учишься в том университете? — спросил Тоби, когда мы выехали с парковки. Он повернул руль одной рукой с такой уверенностью, что я невольно сглотнула.

— Не совсем. Я преподаю.

— Серьёзно? — Тоби бросил на меня быстрый взгляд, и я заметила, как его брови поползли вверх.

— Да. Веду рисунок и живопись на кафедре архитектуры.

— То есть ты хорошо рисуешь? — он чуть наклонил голову в мою сторону.

— Ну… — я замялась, прикусила губу, чувствуя, как щёки начинают гореть. — Достаточно, чтобы мои студенты получали хорошие отметки в семестре.

Он хмыкнул, и в этом звуке не было насмешки — скорее, одобрение.

— Очень скромно. Не преуменьшаешь свои заслуги?

— Возможно, только чуть-чуть. За меня могут сказать мои работы и работы студентов.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Я отвела взгляд в окно, потому что не знала, куда деть этот его комплимент. За окном проплывали мокрые после дождя улицы, солнце дрожало в лужах. Тоби продолжил:

— Чему именно ты учишь студентов? Разве они не приходят уже подготовленными?

— О, если бы, — я усмехнулась. — Они приходят с навыками подготовительных курсов и мыслью, что рисовать умеют все. А потом выясняется, что они ничего не видят.

— Не видят? Разве у них нет глаз?

Я засмеялась.

— Есть, но они почти всегда только смотрят, но не могут видеть.

— А в чём разница? — Тоби, казалось, со всей серьёзностью намеревался разобраться в данном вопросе.

— Смотреть — это просто открыть глаза. А видеть — это понимать, как свет падает на предмет, как падающая тень перетекает в тень собственную, почему этот синий на самом деле имеет тёплый тон, и вообще, он — фиолетовый. Я учу студентов замечать детали. Но самое сложное для любого преподавателя — научить человека не бояться ошибиться.

Тоби молчал, и я подумала, что ему неинтересно. Но, взглянув на него, увидела, что парень сосредоточенно смотрит на дорогу. Похоже, он действительно слушал.

— И как, получается? — вдруг спросил он.

— Что?

— Научить не бояться ошибиться.

— Если они готовы пробовать, — я пожала плечами. — А они должны быть готовы, потому что иначе не получить зачёт.

— Ты говоришь, учишь их видеть, — сказал Тоби, когда машина выехала на дорогу, ведущую к парку. — Но разве видеть — это не врождённое?

— Нет, — я покачала головой. — Это навык. Как игра на гитаре. Можно родиться с идеальным слухом, но если не брать в руки инструмент — звука не будет.

— А если человек рисует, но у него нет таланта? Ты закрываешь на это глаза или говоришь правду?

— Я учу, — я почувствовала, как во мне закипает привычный преподавательский пыл. — Талант — это не манна небесная, которая в момент рождения падает с небес. Это способность не бросать, когда ничего не получается. В сотый раз, в тысячный. Если есть желание — научиться можно всему. И рисовать, и видеть светотень, и понимать композицию.

— Даже если у человека нет чувства прекрасного? — он прищурился, но в его голосе не было насмешки — скорее, искреннее любопытство.

— Чувство прекрасного — оно как мышца. Если её не тренировать — мышца атрофируется. А если качать — растёт.

Тоби прищурился:

— То есть ты веришь, что упорство побеждает отсутствие

таланта?

— Именно. А если талант есть — упорство делает его видимым.

Он молчал пару секунд, поджал губы, но в глазах весёлые блики. Кажется, Тоби действительно наслаждался разговором.

— Я, наверное, не соглашусь. Потому что видел людей, которые работают сутками, но так и не становятся гениями.

— Гениями — нет, — согласилась я. — Но хорошими специалистами — да. А гении — это отдельная каста.

— А кем считаешь себя ты? Гением или упорной?

— Я упорная. И немного талантливая. Этого мне вполне хватает, чтобы передавать знания другим и самой наслаждаться жизнью.

— Ну вот! Былой скромности и след простыл, — Тоби посмотрел на меня и лукаво подмигнул.

Я засмеялась:

— Давай лучше о тебе. Как именно ты работаешь с компьютерами? — спросила я, чтобы перевести тему и скрыть дурацкую улыбку, которая лезла на лицо.

— Я создаю базы данных.

— Это же… цифры? Логика?

— Если очень просто — да. Но там есть своя эстетика.

— Эстетика в цифрах? Разве это возможно?

— А ты представь, что каждый код — это рисунок. Только вместо кистей — команды. И если что-то идёт не так, вся

композиция рушится, как карточный домик. И ты сидишь, ищешь ошибку, но когда находишь — испытываешь такое чувство удовлетворения, будто нашёл тот самый пазл.

Я повернулась к нему:

— А ты, оказывается, поэт.

— Нет, — Тоби покачал головой, но уголки его губ дрогнули. — Я стараюсь просто объяснить. Как ты своим студентам.

— Так что именно делает системный аналитик?

— Если просто — смотрю, чтобы базы данных не падали, иначе бизнес не будет работать, как нужно.

— А если не просто?

Он сделал паузу, постучал пальцами по рулю.

— А если не просто — я тот самый человек, который попадает под прицел руководства, когда всё ломается, и никто не замечает, когда всё работает, как часы. Но это неважно. Важно то, что иногда происходит что-то вроде цифрового конца света, и тогда я сижу в серверной с ноутбуком и чувствую себя героем боевика.

— И часто у тебя конец света?

— Достаточно, чтобы не скучать, — Тоби улыбнулся краем губ и плавно перестроился в другой ряд.

Я заметила, как его руки лежат на руле — спокойно, без напряжения. Он водил аккуратно, уверенно, не гнал и не дёргал машину. Я мысленно поставила плюс и перевела взгляд на экран магнитолы.

— А это что за трек? — я прислушалась. — Riptide, да? Кажется, Vance Joy.

— Он самый, — Тоби кивнул, не отрывая глаз от дороги.

— Ты знаешь, что это одна из моих любимых песен?

— Догадывался, — в его голосе послышалась усмешка.

— И поэтому включил?

— Я включил плейлист, который собирал для прогулки, — он пожал плечами, будто это было обычным делом. — А то, что Riptide заиграла именно сейчас… ну, скажем так, я хорошо продумал последовательность.

— То есть ты специально? — я повернулась к нему.

— Я системный аналитик, Тея. — Он на секунду повернул голову, и наши взгляды встретились. В его глазах плясали искры. — Я всё продумываю.

Я делала вид, что смотрела в окно за его спиной, но видела не городские улицы, а его профиль, руки на руле и то, как Тоби иногда прикусывал губу, погружённый в мысли. Мне нравилось это молчание. Оно не было напряженным. Просто существовало, как воздух, а беседа шла естественно и непринужденно.

— А ты знаешь, как разговаривают художники? — вдруг спросила я, когда машина въехала на парковку. — У нас есть свои приколы.

— И как же? — он бросил на меня быстрый взгляд, смотря в зеркало заднего вида.

— Ну, например, ты слышал такое выражение, как «твой

кувшин не дышит»?

— Что, прости?

— Серьёзно. Это значит, что нет воздуха внутри. Или «драпировка неживая» — это когда складки на ткани выглядят как картон, а не как ткань. Или — самое любимое — «у тебя здесь анатомия хромает», когда кто-то нарисовал руку, которая не может согнуться.

Тоби засмеялся.

Громко, от души, не сдерживаясь. Этот смех заполнил салон машины, отразился от стёкол, заставив меня забыть, что я собиралась сказать дальше. Я не выдержала и тоже засмеялась — сначала тихо, а потом в голос, потому что смех Тоби был заразительным. Когда кто-то смеётся так открыто, будто вокруг никого нет и ему всё равно на мнение других, это невозможно не подхватить.

— Твой кувшин… не дышит. Звучит как диагноз! Нет, приговор, — выдавил Тоби сквозь смех, вытирая глаза. — Господи, теперь я буду каждому программисту это говорить. «Твой код какой-то неживой. Да он вообще уже одной ногой в могиле!»

— Только не на собеседовании, — еле выдавила я, пытаясь успокоиться.

— А что, — он перевел дыхание, но улыбка ещё не сошла с лица, — звучит лучше, чем «у тебя код слегка пованивает».

— В смысле? Как код может… пахнуть? — я засмеялась и снова поймала себя на мысли, что с ним легко. Не надо

притворяться, не надо подбирать слова. Можно говорить про кувшины и запах кода — и это будет самый нормальный разговор в моей жизни.

— В прямом. Есть такое выражение — «говнокодить». Когда код написан настолько плохо, что он начинает вонять. Мне однажды тоже так сказали.

— Ты хочешь сказать, что у тебя вонючий код?

Он снова засмеялся.

— Я хочу сказать, что над ним работают. И иногда код пованивает, а иногда даже цветёт.

— Художники так не говорят, — я закатила глаза. — У нас предмет либо дышит, либо он просто неживой.

— Но смысл один, — парировал он. — Знаешь, какой?

— Какой? — я приподняла бровь.

— Всё, что сделано руками, хранит тепло того, кто это делал. Плохой рисунок, вонючий код, кривая ваза — неважно. Если человек вложил себя, это всегда чувствуется. А если нет — то хоть с золотом, хоть с бриллиантами — чувствуется пустота.

Я замолчала. Потому что он сказал то, что я сама думала, но никогда не могла сформулировать так просто.

— Слушай, — сказала я тихо. — А ты случайно не философ?

— Нет, — он улыбнулся краем губ. — Я системный аналитик.

— Готова поспорить, потому что твои речи звучат как фи-

лософский трактат.

— Ты уже определись, кто я для тебя: поэт или философ.

— Мне нравится и то, и другое. Это запрещено?

— Как я могу это запретить, тем более тебе? — спросил Тоби, глуша мотор и вытащив ключи. — Но прозвучало как комплимент.

— Это он и был, — сказала я и уставилась в свое окно, чтобы не видеть его лицо. Потому что если бы я увидела его улыбку в этот момент, то точно бы забыла, как дышать.